

Толстой Лев Николаевич

О народном образовании

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
О народном образовании / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 96 с.

ISBN 978-5-519-77159-7

ISBN 978-5-519-77159-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНИИ.

Милостивой государь Іосифъ Николаевичъ!*)

Постараюсь исполнить ваше желаніе, то есть написать то, или приблизительно то, что было высказано мною въ послѣднемъ засѣданіи комитета. Исполняю это съ особеннымъ удовольствіемъ еще и потому, что въ прежнемъ протоколѣ засѣданія, въ которомъ напечатаны мои слова (я только-что прочелъ его), я нашелъ много не имѣющихъ яснаго смысла фразъ, которыхъ я, помнится, не говорилъ. Если то, что было говорено мною въ послѣднемъ засѣданіи, должно быть напечатано: то настоящее письмо или можетъ быть напечатано вмѣсто стенографическаго отчета, или можетъ служить повѣркою.

Опытъ испытанія **) преимущества того или

*) І. Н. Шатиловъ, предсѣдатель московскаго комитета грамотности.

**) По предложенію І. Н. Шатилова были учреждены въ Москвѣ при комитетѣ грамотности двѣ первоначальныя школы. Въ одной изъ нихъ ученіе ведено было по звуковому способу г. Протопоповымъ, избраннымъ учителемъ сторонниками звуковаго способа; въ другой училъ учитель Морозовъ по способу гр. Л. Н. Толстаго. Уче-

другого метода посредствомъ учрежденія двухъ школъ и экзамена былъ столь неудаченъ, что послѣ испытанія оказались возможными самыя противоположныя сужденія. Были сдѣланы ошибки въ самомъ устройствѣ школъ. Первая ошибка состояла въ томъ, что взяты въ школы дѣти слишкомъ малыя, ниже того возраста школьной зрѣлости, при которомъ дѣти бываютъ способны къ ученію. Очевидно, что на дѣтяхъ, неспособныхъ еще учиться, нельзя дѣлать опыта, какимъ образомъ легче и труднѣе учиться. Трехлѣтній ребенокъ одинаково не выучится ничему ни по какому способу; пяти, шестилѣтній почти ничему не выучится; только на дѣтяхъ 10, 11 лѣтъ можно видѣть, по какому способу они выучатся скорѣе. Большинство же учениковъ обѣихъ школъ были дѣти 6, 7 и 8 лѣтъ, недостижшія еще возраста школьной зрѣлости, и потому только на старшихъ ученикахъ могло высказаться преимущество того или другого способа. Въ обѣихъ школахъ было только по трое такихъ, и потому, сравнивая успѣхи той и другой школы, я буду говорить преимущественно о трехъ старшихъ ученикахъ. Вторая ошибка состояла въ томъ, что допущены были въ школу посѣтители. Въ напечатанномъ въ моей „Азбукѣ“ краткомъ руковод-

ники были раздѣлены въ обѣ школы по равенству лѣтъ и способностей. Ученіе продолжалось равное время въ той и другой школѣ, и обѣ школы были открыты для посѣтителей. Послѣ семи недѣль была назначена экзаминаціонная комиссія для произведенія экзамена, и засѣданіе комитета для заключенія о преимуществахъ того и другого способа. Но члены экзаминаціонной комиссіи раздѣлились въ мнѣніяхъ, каждый почти подалъ отдѣльное мнѣніе, и засѣданіе комитета грамотности не пришло ни къ какому заключенію и вопросъ оставленъ открытымъ.

ствѣ для учителя сказано: что одно изъ главныхъ условій для успѣха ученія состоитъ въ томъ, чтобы тамъ, гдѣ учатся, не было новыхъ предметовъ и лицъ, развлекающихъ вниманіе учениковъ. Въ школѣ же постоянно бывало по нѣскольку челоувѣкъ постороннихъ лицъ, которыя развлекали учениковъ. Казалось бы, что условіе это должно быть одинаково невыгодно какъ для той, такъ и для другой школы, но оно было невыгодно только для моей школы потому, что главное основаніе обученія по моему способу состоитъ въ отсутствіи принужденія и въ свободномъ интересѣ ученика къ тому, что ему предлагаетъ учитель; тогда какъ обученіе въ звуковой школѣ основано на принужденіи и весьма строгой дисциплинѣ. Понятно, что учителю легче заинтересовать ученика тамъ, гдѣ нѣтъ ничего развлекающаго вниманіе учениковъ, а тамъ, гдѣ постоянно входятъ и выходятъ новыя лица привлечь вниманіе ученика будетъ очень трудно, и что напротивъ въ принудительной школѣ вліяніе развлечения будетъ менѣе ощутительно.

Третья ошибка состоитъ въ томъ, что г. Протопоповъ отступилъ при обученіи въ своей школѣ отъ приемовъ, которые я считаю вредными, но которые считаются необходимымъ условіемъ обученія при звуковомъ методѣ. Отступленіе это безъ сомнѣнія, было очень выгодно для обучающихся дѣтей, и если бы сторонники звуковаго метода признали, что это отступленіе не случайно, то одна изъ главныхъ сторонъ моего разногласія съ ними не существовала бы. Отступленіе г. Протопопова отъ своего метода состояло, во-первыхъ, въ томъ, что онъ не исполнялъ требованія такъ называемаго нагляднаго обученія, которое, по мнѣнію педагоговъ, должно быть не-

раздѣльно связано съ обученіемъ грамотѣ и предшествовать ему. Бунаковъ и всѣ столпы новой педагогіи совѣтуютъ большую часть времени употреблять на наглядное обученіе.

На извѣстныхъ педагогическихъ курсахъ прошлаго года, какъ я слышалъ, всѣ ученые педагоги, учителя учителей, показывали на ученикахъ, что надо три четверти времени проводить въ описаніи комнаты, стола и т. п. Это не было дѣлаемо г. Протопоповымъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ предписывается педагогами. Правда, я видѣлъ одинъ разъ, что, прочтя слово *дроздъ*, г. Протопоповъ хотѣлъ показать ученикамъ въ лицахъ дрозда, но въ картинахъ дрозда не оказалось, и г. Протопоповъ, попросивъ ихъ повѣрить на слово, что дроздъ птица (что они очень хорошо знали), поспѣшилъ перейти къ занятію чтеніемъ. Я повторяю, что отступленіе это очень выгодно для учениковъ и для дѣла, но надо признать его. И тогда, повторяю, я почти не спорю.

Другое отступленіе, сдѣланное г. Протопоповымъ отъ своего метода, состояло въ томъ, что, противно общему правилу педагоговъ, что книги надо читать только въ школѣ съ объясненіемъ cadaго слова, г. Протопоповъ давалъ своимъ ученикамъ книги читать и на домъ. Я считаю главною цѣлію школы доводить ученика до того, чтобы онъ, интересуясь книгой, бралъ ее читать на домъ и понималъ бы ее, какъ онъ хочетъ, и потому г. Морозовъ давалъ ученикамъ книги на домъ; но, сколько мнѣ извѣстно по руководствамъ педагоговъ звуковаго метода, такъ какъ при немъ дѣти считаются дикарями, которыхъ надо мѣсяца два учить правой и лѣвой стороной и тому, что *вверхъ*, что *внизъ*, то книгъ имъ

давать не надо, и всякое слово должно быть объяснено. Опять, если мы и въ этомъ согласны, убавляется еще одна важная часть спора.

Третье отступленіе состоитъ въ томъ, что г. Протопоповъ давалъ читать своимъ ученикамъ не исключительно руководства педагоговъ звуковой школы, которыя я считаю дурными; для самаго важнаго отдѣла чтенія, того, которое производилось учениками дома для личнаго интереса, онъ употреблялъ именно мои книги, — Азбуку и Ясную Поляну. Эти двѣ книги были имъ постоянно даваемы ученикамъ на домъ. Опять повторяю, что и на это я совершенно согласенъ, но надо признать это.

Четвертая и самая главная ошибка въ устройствѣ школъ было ихъ сосѣдство изъ двери въ дверь; и то, что дѣти вмѣстѣ ходили въ школу и уходили изъ нея. Многіе ученики даже жили вмѣстѣ на однѣхъ квартирахъ. Невыгодное вліяніе сосѣдства и сближенія учениковъ состояло въ томъ, что ученики г. Протопопова научились отъ г. Морозова моему способу складыванія и, по моему убѣжденію, благодаря этому знанію выучились читать у г. Протопопова. Всѣ мальчики школы г. Протопопова умѣютъ складывать на слухъ и умѣли это дѣлать съ первыхъ же дней, научившись этому отъ учениковъ г. Морозова. На экзаменѣ мы видѣли, какъ они называли буквы—*бе, ре* и т. д. Способъ складыванія на слухъ такъ легокъ, что въ моихъ прежнихъ школахъ меньшей братъ ученика всегда приходилъ въ школу уже съ знаніемъ складовъ, которому онъ научился на слухъ отъ брата. Въ нынѣшнемъ году въ Ясно-Полянской школѣ хозяйскій мальчикъ 6 лѣтъ, считавшійся слишкомъ молодымъ для ученія, лежалъ на полатахъ во

время ученія и послѣ нѣсколькихъ уроковъ слѣзъ и сталъ хвастаться, что онъ все знаетъ,—и дѣйствительно зналъ. Такъ, ученики г. Протопопова, перебѣгая черезъ школу, возвращаясь вмѣстѣ домой, научились складывать; и въ классѣ г. Протопопова складывали собственно по моему способу, и, только удовлетворяя требованіямъ г. Протопопова, называли *бе—бъ*, въ сущности же читали по буквослагательному способу. Долженъ сказать, что г. Протопоповъ съ чрезвычайной добросовѣстностію требовалъ отъ учениковъ, чтобы они забывали *бе* и называли *бъ*, и ученики старались дѣлать то, что велитъ учитель. Я самъ видѣлъ въ классѣ г. Протопопова, какъ мальчикъ, давно прочтя слово „груша“ и зная, что оно состоитъ изъ ге-ре-у-ше-а, бился и не могъ выговорить гъ-ръ, чего требовалъ учитель. Итакъ, вслѣдствіе сосѣдства школъ, по моему мнѣнію, ученики г. Протопопова выучились, не благодаря звуковому методу, но скорѣе не смотря на него. Этотъ взаимный невольный обманъ, состоящій въ томъ, что ученики выучиваются въ сущности по буквослагательному, болѣе естественному и легкому способу, а въ угоду учителю притворяются, что они учатся по звуковому, былъ замѣчаемъ мною не разъ во многихъ школахъ, въ которыхъ предписывается звуковой способъ. Всѣ опытные люди, наблюдавшіе самый ходъ дѣла обученія грамотѣ въ народныхъ школахъ, какъ-то: инспектора, члены училищныхъ совѣтовъ, подтверждають, что въ большинствѣ школъ, гдѣ введенъ звуковой способъ, онъ ведется только номинально, въ сущности же дѣти обучаются по буквослагательному, называя согласныя бы, вы, ды, и т. д. Только этому взаимному обману можно приписать и то, что въ

обществахъ городскихъ, гдѣ грамотность распространена, звуковой способъ даетъ лучшіе результаты, чѣмъ въ деревняхъ.

Въ городахъ, гдѣ дѣти знаютъ буквы и склады, переучиваясь по звуковому, они учатся собственно по буквослагательному, но приучаются откидывать ненужное при складахъ *уки, поди* или *с*.

Въ послѣднемъ засѣданіи комитета, на которомъ я былъ, у меня спрашивали, что я разумѣю подъ словами, что мой способъ *народенъ*? Вотъ это самое. Я разумѣю то, что учитель съ добросовѣстнымъ усиліемъ старается выучить дѣтей русской грамотѣ по нѣмецкому способу и противъ своей воли учить ихъ по народному способу, и что ученики выучиваются ему безсознательно.

Таковы были ошибки въ утрежденіи школъ для испытанія. Но, не смотря на самыя противорѣчивыя сужденія, выраженные членами экзаминаціонной комиссіи о результатахъ испытанія, мнѣ кажется, что результатъ испытанія совершенно ясенъ, если разсматривать только тѣхъ учениковъ, которые могли учиться, т. е. 3 старшихъ въ той и другой школѣ. Опредѣляя по знанію, я вижу, что старшіе ученики г. Протопопова умѣютъ читать и писать по русски и больше ничего. Ученики школы Морозова умѣютъ также читать по русски (по моему лучше), но кромѣ того, знаютъ нумерацію, сложеніе, вычитаніе и отчасти умноженіе и дѣленіе, и еще читаютъ по славянски. Слѣдовательно, знаютъ гораздо больше. Опредѣляя же по времени, я вижу, что ученики г. Морозова знали то, что знаютъ теперь ученики г. Протопопова (я говорю про трехъ), чрезъ двѣ недѣли послѣ начатія ученія, и справедливость это-

го могутъ подтвердить всѣ посѣщавшіе школы и видѣвшіе, что 3 старшіе ученика Морозова уже послѣ двухъ недѣль читали также, какъ теперь читаютъ ученики г. Протопопова. Остальное время было употреблено г. Морозовымъ на славянскій языкъ, ариметику, и на тѣ медленные шаги въ улучшеніи чтеніи и письма, которые не могли быть замѣтны на экзаменѣ.

Итакъ, ученики г. Морозова знаютъ гораздо болѣе того, что знаютъ ученики г. Протопопова, и менѣе, чѣмъ въ половину того времени, которое было употреблено г. Протоповымъ, знали то, что знаютъ ученики г. Протопопова. Вотъ, по моему мнѣнію, ясный и очевидный результатъ испытанія, доказывающій, что способъ, по которому училъ г. Морозовъ, не смотря на тѣ ошибки, на которыя я указалъ,—что способъ этотъ вдвое легче и быстрѣе, чѣмъ звуковой способъ.

Если же разсматривать и меньшихъ учениковъ, то и относительно ихъ общій результатъ испытанія будетъ тотъ, что *все* безъ исключенія ученики г. Морозова умѣютъ читать по складамъ, писать, и знаютъ цифры и нумерацію; ученики же г. Протопопова знаютъ читать и писать, и больше ничего. И то изъ меньшихъ учениковъ г. Протопопова надо исключить двоихъ, которые не знаютъ даже и читать.

Но мы слышали въ прошломъ засѣданіи и услышимъ отъ всякаго педагога звуковаго метода, и прочтемъ во всякомъ руководствѣ педагоговъ этой школы, что обученіе грамотѣ ничего не значитъ, что главное дѣло—развитіе.

Я думаю, что каждому изъ насъ не разъ приходилось сталкиваться съ безобразными, бессмысленными явленіями и находить за этими явленіями какое-нибудь выставляемое такое важное

начало, осяняющее эти явления, что въ молодыхъ, и даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, мы начинали сомнѣваться: правда ли, что эти явления безобразны? не мы ли ошибаемся? И не будучи въ силахъ убѣдиться ни въ томъ, что безобразныя явления хороши, ни въ томъ, что покровительство важнаго начала незаконно, или что это начало есть только слово, мы оставались въ отношеніи этого явления въ раздвоенномъ, нерѣшительномъ состояніи. Въ такомъ положеніи я былъ и, думаю, находятся многіе изъ насъ въ отношеніи осяняющаго педагогію начала *развитія*, въ соединеніи его съ грамотой. Но народное образованіе слишкомъ близко моему сердцу, я имъ слишкомъ много занимался, чтобы долго оставаться въ нерѣшительности. Безобразныя явления мнимаго *развитія* я не могъ назвать хорошими, и въ томъ, что развитіе ученика дурно, я тоже не могъ убѣдиться, и потому я сталъ доискиваться, что такое это *развитіе*. Считаю не лишнимъ сообщить тѣ выводы, къ которымъ я былъ приведенъ изученіемъ этого дѣла. Для опредѣленія того, что подразумѣвается подъ этимъ словомъ *развитіе*, возьму руководство г. Бунакова и г. Евтушевскаго, какъ сочиненія новыя, соединяющія въ себѣ всѣ выводы нѣмецкой педагогіи, назначенныя для руководства учителей въ народныхъ школахъ и избранныя сторонниками звуковаго способа, какъ руководства въ ихъ школахъ. Разсуждая о томъ, на чемъ долженъ быть основанъ выборъ того или другого способа обученія грамотѣ, г. Бунаковъ говоритъ *): „Нѣтъ, сужденіе о методѣ обученія на такихъ близору-

*) „Семья и Школа“. 1872. Т. II. Родной языкъ, какъ предметъ обученія и проч. Н. Бунакова, стр. 35.

кихъ и шаткихъ основаніяхъ (т. е. на опытѣ) будетъ слишкомъ сомнительно. Только *теоретическая подкладка*, основанная на изученіи чело-вѣческой природы, можетъ сдѣлать сужденія въ этой сферѣ прочными, независящими отъ разныхъ случайностей и въ значительной степени гарантированными отъ грубыхъ ошибокъ. Поэтому, для окончательнаго выбора лучшаго способа обученія грамотѣ, слѣдуетъ остановиться прежде всего на теоретической почвѣ, на основаніи предъидущихъ разсужденій, общія условія, которой даютъ тому или другому способу дѣйствительное право называться удовлетворительнымъ съ педагогической точки зрѣнія. Вотъ эти условія: 1) Онъ долженъ быть способомъ, развивающимъ умственные силы ребенка, чтобы умѣнье грамотѣ достигалось вмѣстѣ съ развитіемъ и укрѣпленіемъ мышленія. 2) Онъ долженъ вносить въ обученіе личный интересъ ребенка, подвигая дѣло этимъ интересомъ, а не притупляющимъ насиліемъ. 3) Онъ долженъ представлять собою процессъ самообученія, возбуждая, поддерживая и направляя самостоятельность ребенка. 4) Онъ долженъ основываться на впечатлѣніяхъ слуха, какъ того чувства, которое служить для воспріятія языка. 5) Онъ долженъ соединять анализъ съ синтезомъ, начиная разложеніемъ сложнаго цѣлаго на простыя части и переходя къ сложению простыхъ началъ въ сложное цѣлое. Итакъ, вотъ на чемъ должна быть основана метода обученія. Замѣчу не для противорѣчія, но для простоты и ясности, что два послѣднія положенія совершенно излишни. Ибо безъ соединенія анализа съ синтезомъ не можетъ быть не только никакого ученія, но ни какой дѣятельности мысли. И всякое ученіе, кромѣ ученія глухонѣмыхъ, основываетъ